

5. Конституция Кыргызской Республики (принята референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 года) [Электронный ресурс].- Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34355174

6. Gulnara U. Balgimbekova, Almash K. Ybyray, Dastan K. Yesenov, Asel B. Sopyhanova, Kuat S. Musin Development of citizenship: Current Trends of the Constitutional and Legal Experience of the CIS Countries // Journal of Advanced Research in Law and Economics. - Bucharest, Romania 2016. – Vol. VII Iss. 1(14). P. 1920-1929 (IF Scopur – 0,198)

7. Конвенция «О сокращении безгражданства». Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций Конвенция 30.08.1961г. г. Нью-Йорк. // www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/statelessness.shtml

НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА, ПРИМЕНЯЕМОГО В ВООРУЖЕННОМ КОНФЛИКТЕ

*Абдикеев М.Н., к.ю.н., ассоциированный профессор Карагандинского университета им.
академика Е.А. Букетова*

В современном мире в зарубежных странах, начиная с 1868 г., активно начали использовать систему норм международного права с целью ограничения воюющих в средствах и методах ведения войны, защиты гражданского населения, определения статуса воюющих, военнопленных, интернированных, правового положения лиц, находящихся под защитой специальных норм, а также отдельных категорий лиц, на которых данная защита не распространяется, и т.д.

Необходимо отметить, что современный период развития общества характеризуется существенными достижениями в области регулирования вооруженных конфликтов и защиты жертв войны. Были разработаны и приняты конкретные международные договоры в рассматриваемой сфере. Это прежде всего, Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. о законах и обычаях войны, Женевский протокол 1925 г. о запрещении применения химического и бактериологического оружия и ряд других соглашений о запрещении или ограничении различных видов оружия, Женевские конвенции 1949 гг. и Дополнительные протоколы к ним 1977 г.[1].

Разработанная и действующая система норм современного международного права, регулирующая правоотношения в период войны, позволяет говорить об отдельной отрасли — международном гуманитарном праве, применяемом в период вооруженных конфликтов. Это обстоятельство, с одной стороны, служит импульсом для дальнейшего развития и правового оформления принципов и норм, определяющих критерии поведения воюющих, защиту жертв войны и т.д., а с другой стороны, государства-участники соглашения принимают на себя обязательства привести свое национальное право в соответствие с заключенными международными договорами. В случае несоответствия нормы внутригосударственного законодательства положениям международного договора приоритет отдается последнему.

Выше указанные точки зрения взаимообусловлены и взаимосвязаны и должны рассматриваться в совокупности. Во время вооруженных конфликтов более всего страдают ни в чем не повинные женщины, дети, старики. Значение гуманитарных норм, их применение становится все актуальнее, ибо они направлены на защиту жертв войны.

Нормы международного гуманитарного права обязывают воюющих охранять интересы жертв войны, обращаться с ними при всех обстоятельствах гуманно и предоставлять им в максимально возможной мере и в кратчайшие сроки медицинскую помощь и уход. Между ними не должно проводиться никакого различия, независимо от цвета кожи, религии, пола, национального происхождения, политических, религиозных и других убеждений. Причем такая защита обеспечивается не только в случае войны, но и в ходе всякого иного

вооруженного конфликта между государствами, даже если одна из них не признает состояния войны.

Практика послевоенного урегулирования взаимоотношений между государствами показывает, что перемирие и капитуляция не способны полностью восстановить мир и прекратить состояние войны. Только подписание мирного договора полностью восстанавливает мир и определяет правовое положение субъектов международного права.

Война во все периоды существования человечества являлась его неотъемлемым и самым жестоким спутником. Прошедшие войны, которые известны современной исторической науке, всегда сопровождалась человеческими страданиями, жертвами, разрушениями, подрывали экономические и политические устои государственности, порождали неверие в справедливость и гуманизм. Поэтому государства как основные субъекты международного права пытались уменьшить пагубные последствия войн путем создания и правового закрепления общеобязательных норм с целью, во-первых, ограничения воюющих сторон в средствах и методах ведения военных действий и, во-вторых, защиты жертв и участников вооруженных конфликтов.

Ученые мыслители разных эпох и народов искали пути смягчения ужасов войны, предлагали нормы, направленные на защиту женщин, детей, раненых, больных и пленных, занимались созданием и разработкой «права войны», определяли ее источники, цели и задачи, а также способы ограничения пагубных последствий.

Философы и юристы придерживались противоположных взглядов относительно понятия войны. По мнению Б. Спинозы, война есть «осуществление естественного права», которое есть у сильного над слабым. Напротив, И. Кант называет войну ужаснейшим бедствием, прерывающим закон человечности. Дж. Ст. Милль считает оскорблением читателя доказывать перед ним безнравственность завоевательных войн, на счет которых не может быть двух мнений между «честными людьми» [2].

Выдающийся голландский юрист Гуго Гроций в своем знаменитом труде «О праве войны и мира» отмечает, что слово *bellum* (война) происходит от более древней формы — *duellum* (поединок), которая, в свою очередь, происходит от *duo* — два [3]. Из множества определений, содержащихся в труде можно выделить, например, такое: война есть состязание силой, исключительно только вооруженное столкновение государств.

В конце XX века и в начале XXI века наиболее употребимым становится понятие «международное гуманитарное право». Данное понятие впервые было предложено в 50-х годах XX века швейцарским юристом Жаном Пикте, а уже в 1974-1977 годах вошло в название Женевской дипломатической конференции по вопросу о подтверждении и развитии международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженного конфликта. Данное понятие используется и в других международных документах. Так, в пункте 1 ст.38 Конвенции о правах ребенка 1989 года закрепляется, что государства-участники обязуются уважать нормы международного гуманитарного права, применяемые к ним в случае вооруженных конфликтов и имеющие отношение к детям, и обеспечивать их соблюдение.

В юридической литературе высказывались различные точки зрения относительно понятия «международное гуманитарное право». Одни исследователи рассматривают его в широком смысле, другие, наоборот, в ограниченном, узком смысле.

Такой подход позволяет выделить четыре главные цели данной отрасли права. Во-первых, регулируются отношения между сторонами — участниками вооруженного конфликта, как международного, так и немеждународного; во-вторых, упорядочиваются отношения воюющих с нейтральными государствами; в-третьих, ограничивается возможность сторон выбирать средства и методы ведения военных действий; в-четвертых, закрепляются меры, направленные на защиту лиц, которые не принимают или прекратили принимать непосредственное участие в военных действиях, а также гражданских объектов и объектов, имеющих важное значение для выживания гражданского населения.

Методом создания норм международного гуманитарного права, применяемого в вооруженных конфликтах, является согласование воли субъектов, взаимодействующих в

международных отношениях [4]. Таким образом, воля господствующего класса имеет несколько планов. Во-первых, она выступает в «чистом виде»; во-вторых, как воля государства, являющегося орудием данного господствующего класса; в-третьих, как воля государства, объективированная в правовых нормах.

Международное гуманитарное право часто упоминается вместе с законодательством о беженцах, положения которого применяются в случаях, когда человек из-за естественного страха преследований покидает свою страну, пытаясь найти защиту в другой. Беженцы существуют как в мирное, так и в военное время.

По нашему мнению, подобная доктрина является реакционной по сути. Ее цель — обосновать любые действия, противоправные с точки зрения человеческой морали и норм международного гуманитарного права. Она отстаивает три взаимосвязанных позиции: а) достижения военного успеха любой ценой без ограничительных критериев; б) в войне нет права, а действуют правила военной необходимости и преследуется одна цель — победа над врагом, под которым достаточно часто понимают не только комбатантов, но и гражданское население, раненых, больных, интернированных, военнопленных и т.п.; в) войне чужды понятия «справедливость», «гуманизм», «защита», «пощада», поэтому варварский принцип «уничтожай непокорных» является доминирующим.

Доктрина военной необходимости позволяет обосновывать любое нарушение норм международного права — зверства фашистской Германии в Великой Отечественной войне, бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, войну во Вьетнаме, захват территории Ливана и оккупацию Палестины, агрессию в Югославии, Ираке, Ливии и т.д [5].

Для межгосударственных отношений рассмотренная доктрина «военной необходимости» неприемлема, что нашло подтверждение в трудах многих юристов, судебных решениях, нормах международного гуманитарного права, применяемого в вооруженных конфликтах, Уставе ООН.

Так, например, Л. Оппенгейм писал; «... в наши дни война регулируется... законами войны, т.е. устойчивыми нормами, признанными международными договорами, либо всеобщими обычаями. Эти договорные или обычные нормы не могут быть отменены в силу военной необходимости, если только специально не обусловлено, что они не подлежат применению в тех случаях, когда это диктуется задачами самосохранения».

Подробное исследование норм международного гуманитарного права, применяемого в вооруженных конфликтах, позволяет сделать безусловный вывод, что воюющие ограничены в выборе средств и методов ведения войны.

Вместе с тем, международное гуманитарное право, применяемое в вооруженном конфликте, содержит нормы, регулирующие выход за определенные рамки со ссылкой на военную необходимость. Однако количество таких норм невелико. Среди них пункт «ж» ст. 23, ст. 54 Положения 1907 г., ст. 33 Женевской конвенции об улучшении участи больных и раненых в действующих армиях 1949 г., ст.53 Женевской конвенции о защите мирного населения во время войны 1949 г, ст.126 Женевской конвенции о режиме военнопленных и некоторые другие.

Убедительным представляется вывод юристов А.И. Полторака и Л.И. Савицкого относительно взаимосвязи перечисленных норм международного гуманитарного права с военной необходимостью. Они отмечают, что ссылка на военную необходимость возможна в тех исключительных случаях, когда это предусмотрено в конкретных нормах.

Следует отметить, что ссылка на военную необходимость допускается лишь тогда, когда речь идет о чрезвычайной опасности, создаваемой для материальных, культурных и других ценностей, и никогда такое дозволение не может распространяться на ситуации, связанные с созданием дополнительной угрозы для жизни, здоровья и достоинства людей.

Как видим, в том своеобразном положении, в котором в соответствующих пропорциях соотносятся требования военной необходимости и правовые предписания, приоритет принадлежит последним. А поскольку нормы направлены на всемерное ограничение насилия в сфере вооруженной борьбы, можно считать, что главным моментом, характеризующим

природу и содержание норм международного гуманитарного права, применяемого в вооруженном конфликте, является его гуманистическая направленность.

Важное значение в международном гуманитарном праве отводится капитуляции армии или ее значительной части, в результате чего государство утрачивает способность к дальнейшему сопротивлению. Капитуляция крупных, значительных частей армии равносильна капитуляции государства, поскольку, сломив сопротивление подавляющей части вооруженных сил, противник получает возможность диктовать свои условия всей стране и контролировать ее политическую систему. Поэтому капитуляция такого рода всегда имеет и военный, и политический характер. Когда 8 мая 1945 г. в Берлине капитулировала немецкая армия, то эта капитуляция явилась не только военным, но и политическим актом. 3 сентября 1945 г. капитулировала перед Объединенными Нациями армия Японии, после чего были подписаны условия безоговорочной капитуляции [6].

До сих пор в международном праве не существует системы норм, определяющих взаимоотношения воюющих в период капитуляции. Единственной нормой является ст.35 IV Гаагской конвенции, которая ориентирует воюющих: во-первых, на соблюдение правил воинской чести в период капитуляции; во-вторых, на точное выполнение сторонами заключенных положений о капитуляции.

Одной из форм прекращения состояния войны может быть издание односторонней декларации (заявления), которая провозглашает наступление мирных отношений и позволяет в дальнейшем разрешить возникшие вопросы послевоенного урегулирования. Эта форма характерна тем, что каких-либо переговоров между противоборствующими сторонами не происходит, а мирные отношения считаются результатом волеизъявления одной из сторон. Например, путем одностороннего заявления было прекращено состояние войны между Бельгией и Германией 1950 г., Советским Союзом и Германией 1955 г.

Другая форма прекращения состояния войны непосредственно связана с переговорным процессом, с волеизъявлением сторон. В качестве примера следует обратиться к Совместной Декларации Союза Советских Социалистических Республик и Японии от 19 октября 1956 г., которая в частности определяет, что в ходе переговоров стороны договорились о прекращении состояния войны, восстановлении дипломатических и консульских отношений.

Соглашение о прекращении состояния войны имеет несомненные преимущества перед односторонним прекращением состояния войны. Договариваясь о восстановлении мирных отношений, стороны тем самым решают одну из главных задач мирного урегулирования.

Практика урегулирования вооруженных конфликтов выработала действенную форму прекращения состояния войны. Такой формой является мирный договор, позволяющий разрешить многие вопросы послевоенного урегулирования.

Заключение мирного договора означает полное прекращение состояния войны. Взаимоотношения восстанавливаются в полном объеме, устанавливается долгий и прочный мир.

Следует обратить внимание на то, что проблемы послевоенного регулирования правового положения собственности иностранных государств не теряют своей актуальности в современный период межгосударственных отношений.

Развитие современного общества, стремление оградить человечество от разрушительных последствий войн положили начало разработке специальных норм, определяющих пределы применения силы, положения воюющих, гражданского населения, раненых, больных, лиц, потерпевших кораблекрушения и т.д.

В настоящее время такие нормы систематизированы и составляют самостоятельную отрасль международного права — международное гуманитарное право. Однако этот термин нуждается в уточнении. Некоторые авторы включают в это понятие, помимо «права Гааги» и «права Женевы», вопросы прав человека, проблемы разоружения и правового регулирования положения беженцев. По нашему мнению, это неоправданно расширенное толкование международного гуманитарного права, которое не позволяет определить его сущность, функциональное назначение, место в системе международного права, а также установить его

соотношение с другими отраслями международного права и другими юридическими дисциплинами — международным частным, административным правом и т.д.

В этой связи наиболее правильным будет обращение к термину «международное гуманитарное право, применяемое в вооруженных конфликтах». Такой подход позволяет определить объект, предмет, методы и функции регулирования, что свидетельствует о наличии самостоятельной отрасли международного права. Более того, рассматриваемая отрасль права имеет свойственные только ей источники, т.е. формы, в которых существуют конкретные нормы. Можно говорить о двойственности источников международного гуманитарного права, применяемого в вооруженных конфликтах — нормах, созданных в Гааге, и нормах, разработанных в Женеве. Такая двойственность носит условный характер и в целом не разделяет международное гуманитарное право, применяемое в вооруженных конфликтах, на две части. В теории и практике эти две группы норм рассматриваются в совокупности и органической взаимосвязи.

Список литературы:

1. Мартенс Ф.Ф. Современное право цивилизованных народов. М., т. 1-2, 2019 г. - 196 с.
2. Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. История международного права. М.: Международные отношения. 2020 г. - 201 с.
3. Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир. 1994 г. - 186 с.
4. Фердросс А. Международное право. М., 1959 г. - 96 с.
5. Клаузевиц К. О войне. М.: Логос. 2021 г. - 198с.
6. Пустогаров В.В. Международное гуманитарное право. М., 2020 г. - 211 с.

ЗАЩИТА ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РАМКАХ ЕАЭС

Абдакимова Д.А., к.ю.н., ассистент профессора кафедры конституционного и международного права Карагандинского университета имени академика Е.А. Букетова

Вопросы охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в двусторонних и многосторонних государственных отношениях становятся одними из самых важных. Более того, такой вектор межгосударственного сотрудничества происходит не только в глобальных масштабах, но и в рамках региональных интеграционных объединений.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – продукт региональной экономической интеграции на евразийском пространстве, который был учрежден Договором о Евразийском экономическом союзе 29 мая 2014 г. На сегодня членами ЕАЭС являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация, наблюдателями выступают Молдова, Куба и Республика Узбекистан.

Развитие межэкономического сотрудничества и торговли, межгосударственное движение инвестиционных и трудовых ресурсов между странами региона способны не только стабилизировать и укрепить национальные экономики, но и повысить конкурентоспособность стран. Тем более, что у государств-участников ЕАЭС есть много общего, начиная с географического положения и уже налаженных экономических связей, объединение общей историей, языковой и культурной близостью. В условиях глобализации и стремительно развивающейся цифровизации экономики у государств-участников возникают все новые общие интересы и потребности, которые оформляются в приоритеты интеграции, подразумевающее углубление и расширение сфер сотрудничества.

Оборотной стороной расширения межэкономического сотрудничества является то, что в странах интеграционного объединения возрастает проблема нарушений в сфере интеллектуальной собственности. Адекватная степень развития интеллектуальной собственности и эффективность правоприменительной практики по ее защите является